ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ ЗАВОЕВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ ПЕРИФЕРИЙ К ПОПЫТКАМ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 321.01

В. В. ШИШКОВ

Время существования державы османов обычно исчисляется с 1299 по 1923 гг. За это время была сформирована своеобразная имперская система, в истории подъема, расцвета и упадка которой видны закономерности бытия империй. Своеобразие Османской империи заключается в том, что в ее истории переплелись традиции древних конгломератных империй Востока, Византийской державы и идея исламского халифата. Османская империя властвовала над более чем 60 народами и крупными племенными объединениями, которые существенно различались между собою как по уровню социально-политического развития, так и по своей этноконфессиональной принадлежности. Власть и могущество Оттоманской Порты стремилось распространиться на все Средиземноморье и, подчинив его, создать империю, равной которой не было бы со времен Рима.

Имперские традиции древности были восприняты османами и применены для создания собственной имперской системы с использованием современных технических достижений, преимущественно в военной сфере. Взятие Константинополя в 1453 г. делает Султана Мехмеда II наследником византийских императоров, что подчеркивается принятием титула «римский император» (кейсар и-Рум) и византийской символики (полумесяц), создается могущественная империя — «рах ottomanica».

В эпоху подъема империи османов все население страны состояло из трех основных категорий: аскери (люди меча) — придворные, военные, улемы (люди пера) — чиновники, представляющие власть султана; райя — это обычные подданные, причем как мусульмане, так и немусульмане [15, p. 17]. Правящий слой составляли те, кто независимо от этнической и религиозной принадлежности служил Империи, они назывались «османы» и были освобождены от уплаты налогов.

В Османской империи утверждалось подчинение экономики политическим и социальным приоритетам и поддерживалась «командно-административная система экономики» [12, с. 109–110], в которой главной обязанностью правящей элиты было постоянное изыскание средств и способов умножения богатства придворных, населения столицы и удовлетворения запросов своего возрастающего войска, чем обусловливалось направление его усилий на внешнюю экспансию.

Для такого общества, формировавшегося империей, война стала насущной необходимостью, средством, обеспечивавшим имперскую экспансию. На подъеме империи ее вооруженные силы не знали себе равных, что обеспечивалось не только количеством алчущих добычи воинов, но и использованием военных технических достижений.

Широкое внедрение огнестрельного оружия в войска османов позволило им достичь в конце XV — начале XVI вв. военно-технического преобладания [8, с. 221, 223] над войсками кызыл-башей, мамелюков и сафавидского Ирана, которые были разгромлены.

Политический строй Османской империи, вслед за Б. Даунингом, можно назвать «военно-бюрократическим абсолютизмом» [14, p. 3]. Процесс формирования османской имперской политической системы закончился в начале XVI в.

Политический строй Османской империи, сложившийся ко времени ее «золотого века», несмотря на многие его фактические политические и морально-юридические ограничения, имел в своей основе религиозные догмы ислама. В этой религиозно-политической системе имперская власть представляла волю Бога по отношению к своим подданным, что вместе с системой распределения земельных наделов воинам подчеркивает ее патриархальный характер. Власть султанов была сакральна [11, p. 85], их воля считалась законом, но ограничивалась нормами шариата. Сосредоточение публичной власти в руках султана не привело к полной централизации управления, которое перепоручается феодальным правителям и правителям автономий.

Инкорпорация и установление имперского доминирования в формате, близком к отношениям «сюзерен-вассал», были двумя основными способами подчинения периферии. При этом разнородность периферий

постоянно требовала от центра внимания и учета их особенностей, что неизбежно приводило к установлению специфики управления в отношении статуса каждой периферии.

Политическим центром Империи был правящий военно-бюрократический слой, сосредоточенный при султане в Стамбуле, но экономическим и даже, можно сказать, геополитическим центром были Балканы [3, с. 228]. Территориальное ядро Османской империи состояло из тех регионов (Болгария, Греция, Фракия, западная и центральная части Анатолии), в которых система военных феодов была доминирующей административной структурой [9, с. 180].

Из имперского центра власть султанов распространялась на вассальные государства (Валахия, Молдавия, Крымское ханство, Рагузинская республика, шерифство Мекка); санджаки типа «хюкюмет», предполагавшие наследственное управление; наследственные семейно-родовые владения с налоговым, административным и судебным иммунитетом на условиях несения военной службы (юрдлуки и оджак-лыки); санджаки, управлявшиеся наследниками престола — шехзаде). Административное устройство Османской державы отличалось и одновременным использованием разных принципов территориального деления, также правительству султана необходимо было учитывать конфессиональный принцип управления [4, с. 156–157].

Османская империя включала в себя территории, которые имели свое особое государственное устройство, административные институты, регулярные войска, а иногда и свои дипломатические отношения.

Местными правителями Хиджаза были шерифы Мекки, потомки пророка Мухаммеда, которые представляли местную олигархию конкурирующих между собой кланов.

Тунис и Алжир, территории Османской империи на самом «дальнем западе» ее границ управлялись военными олигархиями из янычар. Хотя в начале XVI в. там правили бейлербеи, назначаемые из Стамбула, их также затронул период децентрализации. С начала XVII в. и далее власть в этих провинциях захватили военные командиры местных янычарских отрядов.

Крымское ханство, Валахия и Молдавия, будучи полунезависимыми монархиями, признавали Османский сюзеренитет, но оставались независимыми во внутренних делах. Эти государства имели свой чиновничий аппарат и армии, имели право чеканить свои монеты. Иногда эти страны предпринимали такие внешнеполитические шаги, которые противоречили интересам Блистательной Порты, и тем самым могли приводить к конфликтам со Стамбулом [9, с. 184–185].

Громоздкая структура политического и административного подчинения не только поглощала значительную часть имперских ресурсов, но и не справлялась их изъятием, распределением и доставкой по назначению в масштабах огромной империи.

Османская империя, несмотря на постоянное провозглашение единства и централизации, так и не смогла реализовать эти принципы на практике. Разнородность периферий (Боснии, Албании, Курдистана, Сирии, Египта, Ирака), их фактическая экономическая автономия, при частой в периоды смут и политической самостоятельности, превращала в фикцию имперскую систему, образованную путем постоянной экспансии. Только последняя, предоставляя выгоду завоевателям, объединяла империю в единое целое.

Кризис Османской империи связывают с тем, что в XVI в. площадь обрабатываемых земель империи практически перестала расти, тогда как рост населения, напротив, продолжался. К тому же весьма быстрыми темпами это вело к дроблению тимаров (условных земельных держаний воинов) и уменьшению их доходности. При этом уже в во 2-й половине XVI в. территории империи включаются в формирующийся мировой рынок, главную роль в котором играли наиболее развитые страны Западной Европы [5, с. 234–235]. Экономические трудности были усугублены достигшей империи «революцией цен», вызванной наплывом в Европу дешевого американского серебра, Результатом было сокращение доходов казны и упадок военного могущества империи.

В этот же период проявляется неспособность империи справиться с управлением неоднородными перифериями, разными по уровню развития, политическим и культурным традициям, составляющими ее. Несмотря на указанные кризисные явления конца XVI — начала XVII вв., османские правители и их окружение прилагали все усилия для того чтобы сохранить старый социальный порядок, обеспечивающий империи, а точнее ее политическому центру, благоденствие, процветание и военные успехи.

Реформы Кёпрюлю, несмотря на очевидные достижения так и не стали модернизацией империи. Они могут быть охарактеризованы как попытка реабилитации

классических (традиционных, патрирхальных) имперских институтов. Реформы, в конце концов, имели целью стабилизировать имперскую систему, чтобы она снова смогла приступить к завоеваниям.

Имперская экспансия Оттоманов после преодоления структурного кризиса стала действительно последним всплеском их средневекового величия. В течении XVIII в. Османская империя уже сама вынуждена сопротивляться нарастающему военному давлению со стороны империи Габсбургов и России (войны 1710–1711, 1716–1718, 1736–1739, 1768–1774, 1787–1792 гг.), одновременно удерживая границу с Персией (1720-е, 1731–1735 и 1741–1746 гг.). При этом Блистательная Порта, поощряя льготами торговлю с западными державами – Великобританией и Францией, закладывает основы «восточного вопроса» – ситуации, в которой внутриосманские проблемы рассматриваются как вопросы, требующие международного вмешательства [7, с. 39–40]. Со временем Османская империя станет объектом торговых, финансовых, а затем и колониальных притязаний ведущих западных держав, а также России, преследующей собственные геополитические цели.

С XVIII в. османские правители начали понимать, что они больше не в состоянии расширять сферу влияния ислама, поэтому им надо сохранить то, что осталось. Эта приоритетная задача решалась за счет предоставления новых уступок, как местным правящим элитам, так и европейским группам интересов, которые нуждались в сырьевых материалах и рынках для своих процветающих экономик. Таким образом, политические уступки местным элитам были причиной децентрализации в течение XVIII в., с одной стороны, а с другой – облегчили экономическое проникновение западных бизнесменов в османские провинции. Поскольку в Османской империи экономическая мысль была сосредоточена в первую очередь на снабжении, накопление иностранного капитала откровенно приветствовалось государством, которое мало волновали возможные последствия этой политики для внутренней экономики. Так или иначе, отрицательные последствия стали сказываться только со второй половины XIX в. К тому моменту вся инфраструктура османской финансовой системы была под контролем западных предпринимателей [13, с. 228].

На протяжении всего XIX в. османское политическое руководство пыталось найти путь сохранения имперской системы через проведение реформ, которые остановили бы ее распад. Реформы воспроизводили европейские образцы административного управления, способствовали налаживанию взаимоотношений с европейскими государствами. Наиболее выразительными проявлениями стремления к реформам было издание Танзимата 1839 г., давшее начало новому периоду реформ, а также октроирование Конституции в 1876 г., но вскоре ее нормы стали фикцией. Абдул-Хамид II (1876–1909 гг.) установил авторитарный режим, утверждающий идеи панисламизма. Правление султана закончилась младотурецкой революцией 1908 г., но пришедшие к власти лидеры младотурков не смогли изменить судьбу империи, неумолимо склоняющейся к закату.

На фоне ослабления империи ее политическая элита и интеллектуальные круги предпринимали поиск новой идеологии, способной обеспечить единство имперской системы или по крайне мере ее большей мусульманской части. В XIX в. в период правления Махмуда II в правящих кругах зародилась идеология османизма. Это был новый взгляд на османскую державу как на общее отечество людей различных народностей и вероисповеданий. На первый план выдвигалась идея османского гражданства: население империи – это нечто целое, единое, независимо от религиозного и этнического происхождения. Но новая концепция потребовала обоснования более широких полномочий верховной власти для защиты немусульманского населения, что невозможно было реализовать на практике вследствие сопротивления исламских элит, правящих на периферии. Стержнем массового сознания было неравенство между правоверными и немусульманами [11, с. 156].

Панисламизм, другая идеология, оформился в качестве официальной государственной доктрины при Абдул-Хамиде II. Это была своего рода реакция на реформы Танзимата, «либеральный», «западнический» османизм, а также набирающий силу в балканских провинциях панславизм. Эта доктрина, в отличие от предыдущей (османизма), имела религиозную основу и апеллировала к сознанию всех мусульман, а не только подданных Османской империи. Идея исламского единства, понятная для всех мусульман и воплощенная через пропагандистские кампании, оказалась действенным оружием в руках султана для противостояния европейским государствам [1, с. 14, 25].

Тем не менее, панисламизм, несмотря на его популярность, так и не стал надежной

идеологической основой единства Османской империи. Эта доктрина отталкивала немусульман и не могла противостоять зачаткам национализма на периферии империи. В центре же формировались собственные националистические взгляды.

Эти воззрения оформлялись в идеологии пантюркизма (тюркизма). Идеология тюркизма была своего рода компромиссом между все более частыми проявлениями националистических взглядов, как в центре, так и на периферии, необходимостью что-то противопоставить им в идеологическом плане. Она стала имперской идеей сохранения османской державы. Пантюркизм был идеологическим паллиативом для слабеющей империи, в то же время эти идеи требовали создания новой империи тюрков. Устранение добавки «пан» способствовало утверждению представления о независимой турецкой нации, которой суждено занять свое место в ряду современных наций [10, с. 17].

На рубеже XIX – XX вв. продолжалась внутренняя перестройка политической, административной и хозяйственной систем Османской империи, преобразований в области культуры и образования, осуществляемых благодаря деятельности центрального правительства, при постоянном воздействии со стороны западных держав. При этом можно сказать, что платой за относительные модернизационные успехи в областях, составляющих ядро империи, становилось усугубление ее децентрализации и грядущее отпадение периферий.

В XX в. Османская империя входила ослабленной, ее экономика оставалась преимущественно аграрной, финансы подпадали под контроль европейских держав, население численностью около 25 млн человек [16, p. 212] было разделено на конфликтующие религиозные, этнические группы. Кризис Османской империи во второй половине XIX в. – начале XX в., коренился в отставании институциональной системы власти от развития социально-экономических отношений и в тормозящем воздействии политических структур на общественное производство, конечным результатом которых стала гибель Османской империи [2, с. 3].

Империя османов, созданная успешной экспансией, расширяла пределы своего господства до тех пор, пока не была остановлена имперским перенапряжением отношений центра и периферий, к которому присоединился вызов модернизирующегося Запада.

Как показывает С. Ф. Орешкова, имперская государственная структура восточного типа и ислам, выступающие главными социальнообразующими факторами, способствовали на первых порах прогрессу османского общества. Впоследствии именно они привели к замедлению темпов общественного развития [6, с. 493–494]. Иными словами, Блистательная Порта как патриархальная империя, несмотря на свою военную мощь и экспансионистские успехи, не смогла противостоять представителям нового поколения институциональных империй и преодолеть своей архаичности на их фоне.

Начиная с XVIII в., после реформ Кёпрюлю, так и не ставших полноценными модернизационными преобразованиями, Османская империя находилась в состоянии политической стагнации. Ее центр более не проявлял стремления к изменениям, между тем как на периферии постепенно укреплялось влияние местных элит (например, аянов), чему способствовала остановка имперской экспансии ввиду нарастающей мощи западных и северных соседей империи.

К концу века политическая стагнация перешла в деградацию, выразившуюся в зависимость султана и его правительства от придворных, духовенства, янычар. Политический паралич имперского центра и его неудачи в войнах привели к тому, что в начале XIX в. распад империи рассматривался ее правительством и соседями как возможная недалекая перспектива. Можно сказать, что угроза политического коллапса дала импульс модернизации империи, выразившейся в реформах Танзимата и формировании идеологии османизма. Преобразования империи по западному образцу спасли ее от распада еще в XIX в., позволив центральному правительству, с одной стороны, избавится от влияния излишне консервативных социально-политических сил (например, янычар), с другой стороны, наполнить институциональные заимствования с Запада османским имперским содержанием (инкорпорация аянов, создание модернизированной турецкой армии, государственного аппарата). В то же время модернизационные усилия центра останавливались тремя факторами. Во-первых, перспективой утраты сакрального характера центральной власти, выступающей наследницей пророка Мухаммеда. Во-вторых, нарастающим сепаратизмом периферий, распространением там под влиянием модернизации и османизма идей национализма. В-третьих, возрастающей политической и экономической зависимостью от ведущих западных держав. В силу

этих обстоятельств вопрос сохранения империи оставался актуальным.

Нарастающая необходимость соблюдения баланса между модернизацией и интересами сохранения целостности разнородной имперской системы вызвала диктатуру Абдул-Хамида и временное торжество идей панисламизма.

Сочетание диктатуры, этнических чисток, исламизма и политики лавирования между великими державами, с возрастающей опорой на Германию, стабилизировало политическую ситуацию в империи, но не смогло избавить ее от новых военных поражений и территориальных потерь. При этом консервативная диктатура и исламизм не могли сдерживать модернизационные и националистические (в том числе и пантюркистские) настроения в центре империи, что привело к революции младотурков в 1908 г. После революции, несмотря на последовавшие очередные реформы, Османская империя оказалась полностью дезорганизована: политический центр империи вернулся к режиму диктатуры, на периферии разрастался националистический сепаратизм, соседние государства империи вели против нее успешные войны.

Правительство младотурков стремилось создать юридически рациональную администрацию в провинциях, вместе с постоянной демонстрацией турецкого национализма и насильственным введением турецкого языка в местных администрациях и органах правосудия, что не отвечало интересам самих провинций и вызывало обострение национальных чувств их населения (особенно в Албании и Аравии) [9, с. 197]. Политика младотурков состояла в применении к имперской гетерогенности принципов национально-государсвенного турецкого единства, т. е. попытке совместить несовместимое. Реализация такой политики насильственными методами только способствовала росту сопротивления в провинциях, чем воспользовались противники Османской империи в ходе Первой мировой войны.

В условиях нарастающей нестабильности и разобщенности державы османов, ее в общем-то случайное вступление в глобальный конфликт империй (Первую мировую войну) выглядит закономерным, завершающим кровавым актом истории империи османов-завоевателей.

1. Абидулин А. М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II (1876–1909 гг.) [Текст] / А. М. Абидулин: Автореф. канд. ист. наук. Саратов, 2009. 27 с.
2. Киласов А. Р. Системный кризис Османской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / А.Р. Киласов: Автореферат дис. канд. историч. наук. Махачкала, 2005. 28 с.
3. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней [Текст] / Д. Ливен. М.: Издательство «Европа», 2007. 688 с.
4. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М. Наука. 1991. 261 с.
5. Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи [Текст] / М.С. Мейер // Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д.Васильева. М. : Восточная литература, 2007. С. 222 – 239.
6. Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Изд. 2. СПб., 2001. С. 474–494.
7. Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения [Текст] / С.Ф. Орешкова // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34 – 46.
8. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция [Текст] В.В. Пенской. М. : Яуза: Эксмо, 2010. 448 с.
9. Сомель С. А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции, 1699–1914 [Текст] / С. А. Сомель // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М. : Новое издательство, 2004. 384 с. С. 177 – 205.
10. Ташансу Т. Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.) [Текст] / Т. Ташансу: Автореф. дисс. канд. историч. наук. М., 2007. 21 с.
11. Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М. Восточная литература. 2001. 288 с.
12. Финкель К. История Османской империи: Видение Османа [Текст] К. Финкель. М. : АСТ, 2010. 829 с.
13. Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700–1914 [Текст] / К. Чичек // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М. : Новое издательство, 2004. 384 с. С. 207 – 229.
14. Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. 308 p.
15. Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. / H. Inalcik, D. Quataert (eds.). Cambridge-New York: Cambridge University Press, 1997. P. 9 – 409.
16. Quataert D. The Ottoman Empire, 1700–1922 [Text] / D. Quataert. Cambridge University Press, New York. 2005. 212 p.